

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2023.52.73.001

**Рационально-прагматический акцептуализм Л.Дж. Коэна:
проблема идентификации объектов деонтически-эпистемических
оценок**

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

Одно из направлений критики деонтологической теории обоснования обозначилось в серии аргументов, нацеленных на фальсификацию доксистического волонтаризма – допущения, согласно которому субъект познания, руководствуясь эпистемическими нормами, способен сознательно контролировать и регулировать собственные убеждения, трансформируя их в протоэлементы знания. Критика доксистического волонтаризма Олстоном и другими эпистемологами подрывала основания вменения субъекту интеллектуальных обязательств, объем которых задавался по принципу «Долженствование подразумевает возможность», и ставила под сомнение релевантности деонтических оценок контексту эпистемического обоснования. В статье рассматривается одна из стратегий нейтрализации антиволонтаристической линии критики эпистемического деонтологизма, – стратегия эта предполагает использование концептуальных ресурсов акцептуального подхода, предложенного Л.Дж.Коэном и другими эпистемологами. Показано, что концепция акцептуализма Л.Дж. Коэна допускает расхождение эпистемически-нормативного и прагматически-функционального векторов мотивации актов принятия, что позволяет поставить под вопрос адекватность принципов акцептуализма эпистемологической теории обоснования: то, что принято в конкретном контексте, исходя из инструментальных и прагматических соображений, может не совпадать с тем, что принимается по эпистемически значимым основаниям. В статье рассматриваются варианты решения проблемы верификации эпистемического статуса принятий в условиях пролиферации оснований. Доказывается, что рациональное принятие пропозиций может быть объектом эпистемико-деонтических оценок и может оказывать трансформирующее воздействие на сферу интерсубъективных убеждений.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Рациональный акцептуализм Л.Дж. Коэна: проблема идентификации объектов деонтически-эпистемических оценок // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 7-32. DOI: 10.34670/AR.2023.52.73.001

Ключевые слова

Эпистемический деонтологизм, доксистический волонтаризм, убеждение, принятие, эпистемическое обоснование, научный дискурс.

Введение

Интенция на достижение знания может быть заложена в способах культивирования убеждений, отвечающих стандартам эпистемического качества, и один из главных стандартов выражает требование обоснованности. Эпистемический деонтологизм предполагает оценку эпистемического статуса убеждений, прежде всего – их обоснованности, с позиций того, насколько формирование и поддержание этих убеждений может быть квалифицировано как выполнение субъектом интеллектуальных обязательств, содержание которых определяется системой норм, задающих познавательно целесообразную доксистическую дисциплину.

Одно из направлений критики эпистемического деонтологизма в целом и деонтологической теории обоснования в частности обозначилось в серии аргументов, нацеленных на фальсификацию доксистического волюнтаризма – допущения, согласно которому субъект познания, руководствуясь эпистемическими нормами, способен сознательно контролировать и регулировать собственные убеждения, трансформируя их в протоэлементы знания. Так, например, У. Олстон в классической работе «Деонтологическая концепция эпистемического обоснования» анализирует различные типовые ситуации формирования пропозициональных установок и посредством этого кроссдискурсивного анализа извлекает свидетельства в пользу того, что (а) у субъектов, которым деонтологическая концепция приписывает ответственность за должное состояние доксистической сферы, как правило, отсутствует способность осуществлять «прямой произвольный контроль над убеждениями, (б) но есть лишь довольно слабая степень «дальнодействующего» произвольного контроля только над некоторыми из наших убеждений», а также доказывает, (в) «что, хотя наши произвольные действия могут влиять на наши убеждения, деонтологическое понятие обоснования, основанное на этом косвенном влиянии, не является тем понятием, которое нам нужно для обычных эпистемологических целей, к которым относится термин «обоснование» [Alston, 1988, 260]. Многие послышки этих аргументов, направленных против доксистически-волюнтаристического допущения, а также против признания истинностной проводимости деонтологического обоснования, как и сама методология анализа условий формирования убеждений, были поставлены под сомнение последующими исследователями. Существенно то, что критика доксистического волюнтаризма Олстоном и другими эпистемологами не только проблематизировала условия возможности эпистемически ответственного поведения субъекта, но и подрывала основания вменения субъекту обязательств, объем которых задавался по принципу «Долженствование подразумевает возможность».

В данной работе теоретически прорабатывается возможная стратегия вывода эпистемического деонтологизма из-под критики, фальсифицирующей доксистически-волюнтаристическую гипотезу. «Стратегия стипулирующего ускользания», как ее можно обозначить, основывается на использовании концептуальных ресурсов *акцентуального подхода к анализу пропозициональных установок*, разработанного в оригинальном виде Л. Дж. Коэном, который написал работу «Эссе об убеждении и принятии»; отличие убеждений, относимых наряду с желаниями и рудиментарными суждениями к категории феноменов сознания первого порядка, от установок на принятие пропозиций, реализуемых посредством задействования рефлексивно-оценочной системы, обосновывалось также К. Лерером, который рассматривал рациональные принятия и их функции по отношению к убеждением как основу дискурсивного знания; другие эпистемологи посредством анализа ситуации расхождения убеждений с принятиями находили основания для разрешения «головоломки Мура».

С одной стороны, акцептуальный подход делает определенную уступку доксистическому инволютаризму, допуская, что значительный класс убеждений, служащих основой эмпирических знаний, возникает когнитивно-спонтанным образом, что, однако, не имплицитно признает того, что убеждения как элементы доксистической сферы не подчиняются косвенному влиянию и не могут быть выделены в статусе в качестве объектов рациональных оценок. С другой стороны, именно акцептуальный подход позволяет обозначить зону ответственности субъекта за счет выделения отличного от убеждений класса пропозициональных установок, определяемых актами *принятия*, которые являются моментами рационально организованного дискурса. В этом смысле исходное концептуальное различие *убеждения* и *принятия*, первичной и непосредственной уверенности и сознательного признания, может быть адаптировано для решения специфической задачи – диапазона возможностей сознательного регулирования субъектом собственных пропозициональных установок. Решение такого рода вопросов значимо не только в плане оптимизации подходов к проблеме рациональности познания или деонтологической концептуализации обоснования, – оно предпосылается определению границ сферы регулятивной значимости принципов нормативной эпистемологии. Постановка этой задачи является ключевым моментом разработки общего вопроса метафизики познания – вопроса о потенциале сознательно-активных форм развития познавательной деятельности и соотношении активного и пассивного механизмов «когнитивной экономики» в обеспечении процесса генерации знаний.

Основные задачи данного исследования заключаются в том, чтобы эксплицировать базовые понятия и принципы, на которых выстраивается концепция пропозициональных установок, учреждаемых актами рационального принятия, и рассмотреть вопрос об адекватности принципов акцептуализма, изложенных в оригинальной концепции Л.Дж. Коэна, деонтологически модифицированной теории эпистемического обоснования.

В современных эпистемологических исследованиях уже предпринимались попытки адаптировать концепцию Л.Дж. Коэна к обоснованию позиций сильного доксистического волюнтаризма. Так, например, П.Бонди рассматривал именно на эту концепцию в качестве основы для утверждения значимости доксистически-волюнтаристических компонента эпистемического деонтологизма. Раскрывая возможности обоснования сильного доксистического волюнтаризма, Бонди опирается не столько на реальное, сколько на номинальное различие между убеждением, воплощающим переживаемую уверенность в истинности, и принятием пропозиций в качестве посылок рассуждений и практических решений: убеждения и принятия различаются и соотносятся как пассивно-феноменальный и активно-сознательный аспекты функциональной динамики доксистических установок, и именно выделение этого активного аспекта культивирования убеждений и есть то, что дает основание для квалификации убеждений в качестве объектов деонтически-эпистемических оценок [Bondy, 2016, 751].

В данной работе мы покажем, что если признание установок, учреждаемых актами принятия, в качестве объектов деонтических оценок, не вызывает особых возражений, то из самой концепции Л.Дж. Коэна, предусматривающей использование понятия принятия преимущественно для описания прагматики исследовательского дискурса, непосредственно нельзя вывести условие их истинностной значимости и релевантности контексту эпистемического обоснования. В частности, будет показано, что концепция Коэна сталкивается рядом сложных дилемм и что акцептуально актуализируемые пропозициональные установки в принципе могут быть объектами деонтически-оценочных квалификаций, но их статус в качестве

объектов эпистемических оценок требует дополнительного теоретического обоснования.

Эпистемологические диспозиции к установлению различия убеждений и принятий

В истории эпистемологии первичная диспозиция к различию убеждения и принятия обозначилась особым образом в полемике рационалистов и эмпирицистов, - прототипом этого различия, как считает Коэн, служит противопоставление рационалистическому волюнтаризму Декарта точки зрения Юма, который считал, что «наше знание о Природе приобретается не в результате произвольных актов познавательного суждения, как полагал Декарт, а в результате непроизвольного роста познавательных чувств» [Cohen, 1992, 2]. Позднее Кант последовательно обосновывал принцип конструктивно-познавательного активизма, определяя условия генерации знаний через соотношение чувственности и рассудка, между которыми перераспределялись потенциалы восприимчивости и спонтанности познания. А традицию, восходящую к эмпиризму, продолжил Д. Ст. Милль, который рассматривал познание как область действия причинных законов, объясняющих, как возникают наши ментальные чувства или как одно пассивное состояние порождает другое» [Ibid., 2]. В современной эпистемологии отзвуки различия сознательно-активистической и каузально-диспозициональной позиций проявляются специфическим образом в расхождении интерналистского и экстерналистского подходов к разработке теории эпистемического обоснования: «правдоподобие экстерналистских или релейабилитских концепций эпистемического обоснования является естественным следствием того, что наши убеждения причинно навязаны нам, а не свободно выбраны. Убеждения, согласно этому анализу, приходят к нам, мы не выбираем их активно» [Clarke, 1986, 40].

Симптоматично, что предложенная Л.Дж.Коэном трактовка убеждения как состояния уверенности в некотором положении, которое относится к классу диспозициональных чувств, возникающих подчас непроизвольно, как будто что-то независимое от сознания и воли субъекта активизирует эту диспозицию к ощущению истинности, вполне укладывается в концептуальные рамки экстерналистского подхода, умаляющего роль сознательно-деятельных факторов формирования убеждений и рассматривающего их происхождение с позиций внешней детерминации, каузальной генеалогии и когнитивной функциональности. Однако признание несостоятельности, собственно, *доксалогического* волюнтаризма Коэн компенсирует утверждением рационально-дискурсивного *акцентуализма*, - в этой перспективе, альтернативной доксалогической ортодоксии, именно *принятие-признание* пропозиций, независимо от того, составляют ли последние содержание *убеждений* или нет, выделяются в качестве основных актологически проявленных пропозициональных установок, которые подлежат сознательно-волевому контролю и представляют в целом ту область, к которой применимы деонтологически-оценочные квалификаторы.

«Убеждение»

В аппарате теории Коэна термином «убеждение» обозначается непроизвольно проявляющаяся диспозиция к переживанию уверенности в некотором положении, т.е. предрасположенность полагать так, а не иначе (интенциональный аспект), неизменно сопряженная с чувством истинности (феноменальный аспект). Если в фокусе сознания человека

оказывается какая-либо пропозиция p , и человек предрасположен к ощущению того, что пропозиция p истинна, и эта уверенность возникает независимо от того, намеревается ли человек рассуждать, говорить или действовать, исходя из допущения, что p истинно, то это означает, что человек имеет убеждение, предметное содержание которого определяется этой пропозицией. Убеждение, в отличие от принятия, как правило, не является диспозицией к переживанию уверенности в некотором положении, которая активизируется произвольно, сознательным решением человека: «фактические убеждения обычно являются реакцией на то, что человек, имеющий убеждение, видит или слышит, моральные убеждения являются обычно желательными или нежелательными велениями его совести, интуитивные убеждения являются непосредственными, нерелективными и произвольными продуктами активности интеллекта, и так далее» [Cohen, 1992, 22]. Таким образом, Коэн трактует убеждение как такое диспозициональное ментальное состояние, возникновение которого обусловлено не собственным сознательным решением субъекта, а интегрированными в когнитивную жизнь схемами и способами реагирования на актуально доступные данные, обладающие убеждающей силой; в спонтанной генерации убеждений определенную каузальную роль играет восприимчивость субъекта к событиям и фактам, которые могут играть роль факторов истинности: «Мы думаем о наших убеждениях как о состояниях ума, которые обычно реагируют на истину, а не на наши собственные решения» [Ibid, 22].

«Принятие» по К.Лереру.

К категории сознательного менеджмента доксистических установок относится проявление устойчивой тенденции к формированию убеждений – диспозиций к переживанию уверенности - на основе того, что субъект *принимает* как вероятно истинное по рациональным основаниям, - к этой позиции тяготеет концепция К.Лерера.

К.Лерер вводит понятие принятия в рамках общей теории дискурсивного знания. В отличие от «примитивного знания», которое формируется на основе убеждений, возникающих как результат когнитивных процессов, задействующих функции сознания первого порядка, дискурсивное знание имеет основой своего предметного содержания пропозиции, удовлетворяющие условию рационально обоснованного принятия, для выполнения которого необходимо задействовать функций метасознания. Именно «дискурсивное знание обеспечивает нас посылками и выводами обоснованного рассуждения и позволяет нам показать, что разумно принимать одни вещи и разумно отвергать другие» [Lehrer, 2000, 638]. Обоснование и критическая оценка тех или иных положений, которые могут составлять предмет спонтанно возникающих убеждений и принимаются или отвергаются с интенцией на установление истины, являются необходимыми предпосылками выработки дискурсивного знания. Таким образом, интенция на истину, в условия исполнения которой входит обоснованность, т.е. принятия пропозиций, исходя из надежных индикаторов истинности, изначально заложена в понятии принятия, которое конструируется как понятие с эпистемически-нормативным содержанием. По Лереру, есть особый вид установки, который требуется для знания, - это установка на «принятие чего-либо с целью достижения истины и избегания ошибки в отношении самого того, что принимается» [Lehrer, 1990, 11]. С позиции Лерера, принять информацию о том, что p , означает готовность в соответствующих обстоятельствах думать, делать выводы и действовать, исходя из предположения, что информация верна. Следовательно, принятие какого-либо положения рационально оправданно, если имеется обоснованное

убеждение в том, что это положение истинно. В этом состоит одно из отличий концепции принятия Лерера от концепции принятия Л.Дж.Коэна, который, рассматривая, в частности, прагматику научного дискурса, допускал, что исследователь может принимать гипотетическое положение без какого-либо убеждения в его истинности.

С одной стороны принятие противопоставляется убеждению, и основание для такого контраста проясняются на уровне более фундаментального различия между классом установок, реализация которых относится к сознанию первого порядка, и метасознания, на уровне которого реализуются высшие когнитивные функции и закрепляется рефлексивно-оценочная система: «есть разделение сознания на сознание первого порядка, включающее убеждение, желание и суждения, которые возникают в нас почти автоматически, независимо от нашей воли способами, которые могут быть для нас непрозрачны, и сознание второго порядка, метасознание, который оценивает эти состояния и произведения сознания таким образом, который демонстрирует прозрачность и пластичность жизни ума в поисках истины, понимания и объяснения» [Lehrer, 2000, 639].

С другой стороны, с точки зрения Лерера, именно акты разумного принятия оказывают трансформирующее воздействие на доксистическую сферу, поскольку для их осуществления необходимо задействовать функции критической экспертизы и сознательного отбора пропозиций, а для обыденных знаний значительная часть этих пропозиций изначально фиксируются как предмет спонтанно возникающих убеждений. В этом контексте Лерер замечает, что мы можем негативно оценивать такие убеждения, которые формируются и укореняются в нашем или чужом сознаний помимо нашей воли, «можем даже осуждать их как иррациональные как в себе, так и в других, но они все равно могут остаться. Тем не менее, мы можем отказаться принять то, во что верим, даже принять противоположное, в результате чего мы можем отказаться действовать или рассуждать на основе этого убеждения. Принятие — это состояние метауровня, которое играет свою роль в действии, рассуждениях и решениях, которое обычно является результатом положительной оценки убеждения, но иногда может преобладать над состоянием первого порядка» [Lehrer, 2000, 640]. И в этом состоит второе отличие концепции Лерера от концепции Л.Дж. Коэна. — последний полагал, мы не можем выделить положительную функцию рационального принятия по отношению к убеждениям и встроить ее в механизм нормативной регуляции убеждений.

Таким образом, Лерер изначально рассматривает принятие в строгом эпистемическом контексте с точки зрения функций рефлексивно-оценочной системы по отношению к убеждениям: установка на принятие каких-либо положений, составляющих предмет убеждений, является результатом позитивной оценки этих убеждений, производимой, как предполагается, исключительно из эпистемически значимых критериев, и в ряде случаев обоснованное принятие каких-либо положений может даже пересиливать убеждения, способствуя их трансформации, соответствующей статусу доксистических элементов знания.

Однако «принятие пропозиций» в том смысле, как его определяет Коэн, не дает еще разумной причины для того, чтобы придерживаться убеждений, квалифицируя их как эпистемически оправданные, поскольку рациональные основания для принятия каких-либо положений, по этой концепции, не имеют априорно предустановленных *эпистемически-нормативных* ограничений, но выстраиваются на основе *инструментальных, методологических, прагматических* соображений, связывающих принятие какого-либо положения в первую очередь с целесообразностью использования этого положения в качестве посылки рассуждений и действий, т.е. с условиями функционирования конкретного дискурса.

«Принятие» по Л.Дж. Коэну

Термином «принятие» («признание») в *актологическом* смысле обозначается сознательное – более или менее рационально мотивированное решение принять и использовать некоторое положение в качестве исходного допущения, посылки или правила для рассуждений, исследований, предсказаний и объяснений, практических выкладок и решений: «признать, что p , означает иметь или принять политику признания, полагания или постулирования этого p , т.е. [политику] включения этой пропозиции или правила в число своих предпосылок для выработки решения о том, что делать или думать в конкретном контексте, независимо от того, считается ли истинным то, что p , или нет» [Cohen, 1992, 4]. В *онтическом* же смысле термин «принятие» может употребляться для обозначения результата акта принятия-признания, т.е. сознательного отношения к некоторой пропозиции, которая выступает в качестве посылки или правила рассуждений, изысканий и практических решений, т.е. встраивается в организованный дискурс, обеспечивая наряду с другими предпосылками предметно ориентированное продвижение мысли и действия. В *функциональном* смысле принятие обеспечивает функционирование дискурса: принимая какое-либо положение в указанном выше смысле, субъект «увеличивает объем исходных данных и применимых правил вывода». [Ibid., 5].

Когда человек отвечает на вопрос, *убежден* ли он в том, что p , он сообщает о том, предрасположен ли он к тому, чтобы испытывать уверенность в том, что p , т.е. имеет ли он диспозицию к тому, чтобы чувствовать, что p истинно, а не- p – ложно.

Когда же человека спрашивают, *принимает* ли он, что p , то предполагается, что в ответе он должен выразить намерение относительно тех допущений, которые он принимает в качестве основы для своих «доказательств, аргументов, рассуждений или соображений» [Ibid., 5], предсказаний или объяснений, или дальнейших исследований, практических выкладок и решений.

Но в других ситуациях *пассивный* аспект формирования пропозициональных установок, связанный с когнитивно-спонтанным возникновением *уверенности в истинности определенного положения* и, соответственно, *склонности полагать* так, а не иначе, и *активный* аспект, проявляющийся в форме (рационально мотивированного, по Лереру) *принятия* пропозиций, сопряженного с интенцией на использование их в качестве *допущений*, служащих *посылками* в последующих рассуждениях (по Л.Дж.Коэну) и практических действиях, могут явным образом расходиться.

Конечно, требуется отдельное объяснение, почему в таких случаях не срабатывает естественная диспозиция к тому, чтобы принимать те положения, относительно которых возникает уверенность, что они являются истинными. Такое объяснение могло бы состоять в том, что спонтанный акт возникновения уверенности в некотором положении сам по себе – безотносительно к действию рефлексивной системы – не составляет условия для *принятия* этого положения, - необходимо признание (или оправданная презумпция) того, что *уверенность* (или «ощущение истинности», по Коэну) возникла как эффект надежного когнитивного процесса, что приобретение этой уверенности не является случайным, но может квалифицироваться как случай проявления надлежащей «чувствительности к разумным причинам убеждений» (М.Стюеп [Steup, 2000, 473-474]), или что убеждение, диспозиция к которому спонтанно проявляется в данной ситуации, когерентно системе других убеждений, в истинности которых нет оснований сомневаться (К.Лерер) [Галухин, 2019, 33-63]. А интенция на использование соответствующих пропозиций, уверенность в истинности которых возникает в данной

ситуации, для дискурсивно-познавательной работы или направления практического действия, служит *активизатором сознания*, т.е. повышает уровень сознательного отношения, в створе которого выносятся решение о принятии (признании) того, в чем, например, убеждает нас опыт. Но сознательное отношение, поддерживаемое стремлением использовать определенные положения в качестве посылок умозаключений и практических выкладок, не гарантирует, что эти положения будут приняты на основе использования эпистемически-оценочных стандартов. Бонди проводит четкое различие между позициями Коэна и Лерера: «И Лерер, и Коэн рассматривают убежденность как пассивное явление, и оба они считают принятие чем-то, что субъект может приобрести, решив это сделать, когда имеются свидетельства, которые, как представляется, поддерживают пропозицию, в которую субъект не может заставить себя поверить. Но разница между различиями убеждения/принятия у Лерера и Когена заключается в том, что в картине Коэна, но не в картине Лерера, мы можем принимать пропозиции также и по незвиденциальным причинам [Bondy, 2016, 754]. В этом смысле концепция Коэна более подходит для решения вопроса о применимости деонтологических терминов к оценке эпистемического достоинства убеждений, когда выделяется такой активностный аспект достижения состояния убежденности как принятие: допуская, что принятие некоторой пропозиции может осуществляться даже тогда, когда субъект не принимает во внимание надлежащие эвиденциальные факторы, концепция Коэна более явным образом, чем концепция Лерера, позволяет осмысленно ставить вопрос об ответственности субъекта.

Принятие пропозиций как момент сознательной дискурсивной практики

Объектами деонтологически-оценочных квалификаций в первую очередь являются установки, формируемые актами принятия, но не убеждения, поскольку именно реализация установок на принятие каких-либо пропозиций является моментом сознательной дискурсивной практики, удовлетворяет условиям целесообразности, основывается на применении правил, сообразных нормативным структурам дискурса, и предполагает, что субъект ответственен за то, что и как он принимает: «Принятие, в отличие от убеждения, происходит сознательно-произвольным образом, будь то немедленное решение или постепенно формируемое намерение» [Cohen, 1992, 22], ибо в своей основе оно предполагает выбор в отношении того, какие пропозиции принять в качестве посылок и оснований. Убеждение же, в отличие от принятия, не относится к типу установок, которые формируются и актуализируются сознательным образом, «поскольку считается, что убеждение регулярно вызывается в каждом случае чем-то независимым от непосредственного выбора человека» [Ibid., 22], имеющего или усваивающего убеждение.

Принятие каких-либо положений в нормальных случаях есть результат контролируемого интенционального действия, которое, с одной стороны свободно, а с другой – подчиняется телеологией движения по *правилам определенного дискурса*.

Рациональность решения о принятии пропозиций как посылка рассуждений

Решение принять какое-либо положение в качестве исходной посылки рассуждений и практических соображений, будучи делом сознательного выбора, подчиняется *нормам рациональности*. Принимая какое-либо положение в рамках построения системы рассуждений,

субъект должен руководствоваться теми посылками или правилами вывода, которые уже приняты и интегрированы в основания дискурса, а это означает, что субъект будет «намеренно выстраивать свои нынешние мысли сообразно таким предпосылкам или правилам» и будет «оценивать свои гипотезы как правильные или неправильные, вероятные или невероятные в соответствии с этими критериями» [ibid., 23]. Так, если субъект сознательно выстраивает свои рассуждения, опираясь на основные законы и принципы формальной логики, то он должен понимать, что комбинация любых двух суждений, т.е. представленность их на линиях доказательства в какой-либо логической системе, имеет своим следствием их конъюнкцию; Коэн утверждает, что принятия, в отличие от убеждений, подчиняются принципу *дедуктивного замыкания*, - учитывая, что суждения, выражающие принятые пропозиции, дедуктивно замкнуты на множество своих следствий, с полным основанием можно утверждать, что если субъект принимает p и принимает $\neg p$, то он должен также принять, что p и $\neg p$, но это было бы нарушением логически эксплицированных норм рациональности [ibid., 36].

Однако, если рациональность понимать не только как логическую консистентность или холистическую когерентность принятых пропозиций, но как более широкую *нормативно содержательную категорию*, которая применяется для оценки обоснованности выбора тех или иных пропозиций в контексте данного ряда рассуждений, выполняющих определенную функцию в рамках конкретного типа дискурса, то следует признать, что *рациональность решения о принятии некоторых пропозиций* в качестве посылок рассуждений, теоретических разработок, предсказаний, объяснений и практических выкладок *зависит от множества дискурсивно вариативных факторов*, классифицируемых по типу контекстуально релевантных оснований (о чем речь пойдет ниже), и каждое из этих оснований может быть отнесено к классу разумных причин для принятия пропозиций, заданному на основании правил и прагматики конкретного дискурса.

Рациональное принятие пропозиций как категория когнитивно-ответственного поведения

Коэн вполне обоснованно утверждает, что не только *нормы рациональности*, но и *деонтологические квалификации* применимы к решениям относительно принятия каких-либо пропозиций и использования их в соответствующем дискурсе, и в той мере, в какой сознательный компонент акта принятия перевешивает и компенсирует недостаток такового при формировании убеждений, «люди несут ответственность за то, что они принимают или не принимают, а не за то, во что они верят или не могут поверить» [Cohen, 1989, 369-370]. Радикальная асимметрия сознательно-волевых потенциалов принятия и убеждения обуславливает различие в условия вменения обязательств и установления меры ответственности субъекта, – Коэн демонстрирует это различие, выделяя тип познавательных ситуаций, в которых обнаруживаются недостатки умственной дисциплины, а также нарушается условие базиремости принимаемых положений на адекватных основаниях. Предполагается, что именно *для принятий, а не в отношении убеждений, концептуально обоснованным является утверждение стандарта когнитивно-ответственного поведения*, при этом допускается, что ответственность возрастает в той мере, в какой это поведение может способствовать формированию убеждений, оказывая на последние косвенное влияние: так, людям можно вменить в вину то, что «они не знакомятся с соответствующими фактами или не овладевают соответствующими умственными дисциплинами, поскольку это произвольные процессы,

которые могут вызвать возникновение соответствующих убеждений. Но вряд ли можно порицать людей (хотя они могут вызывать жалость, презрение, восхищение или удивление), если они все еще не верят в то, что *p*, даже после ознакомления с фактами или после приобретения умственных дисциплин, которые обычно являются годными для продуцирования этого убеждения. С другой стороны, если известные свидетельства того, что *p*, вполне адекватны, то, даже если у самого человека нет чувства убежденности в том, что *p*, он по праву несет ответственность за то, что не принял этого *p* [Cohen, 1992, 23-24].

Принимая сознательно пропозицию *p*, человек может попытаться вызвать в себе соответствующее убеждение, т.е. культивировать предрасположенность к тому, чтобы испытывать уверенность в том, что *p*; и если эти усилия сопряжены с развитием определенной дисциплины умственной деятельности, то с относительной вероятностью принятие того, что *p*, может способствовать проявлению диспозиции к переживанию уверенности в том, что *p*, как в чем-то истинном. Однако, учитывая феноменальный характер доксистических установок, которые, согласно Коэну, имеют свойства диспозициональных чувств, принятие какой-либо пропозиции в каком-то особенном контексте само по себе не гарантирует, что эта пропозиция закрепится в качестве предмета устойчивого убеждения: «Даже когда вы пытаетесь вызвать убеждение в том, что *p*, сначала приняв это *p*, вы можете потерпеть неудачу не по своей вине. Вы можете даже намеренно предполагать, что вы, таким образом, в конце концов поверите, что *p*. Но ваши чувства могут быть слишком непокорными» [ibid., 22].

От доксистического волюнтаризма к рациональному акцептуализму

Если тематизировать активностную сторону формирования пропозициональных установок, выделяя (1) момент сознательного *принятия* (признания) предметных положений, рассматриваемых в функционально-телеологической перспективе, предполагающей включение их в некий дискурс, *для функционирования которого существенно то, чтобы посылки эти были истинными*, но (2) допуская расхождение сознательно-активного и диспозиционально-реактивного планов, т.е. того, что *принимается* в качестве посылок умозаключений и практических решений, с тем, чему субъект непосредственно *предрасположен верить*, то можно представить теоретически обоснованное решение вопроса об условиях возможности сознательно-волевого контроля субъекта над сферой собственных пропозициональных установок: не обладая способностью регулировать убеждения в их пассивном аспекте, т.е. контролировать реакции на определенные классы факторов, способствующие проявлению диспозиции к переживанию уверенности, мы, тем не менее, обладаем способностью «произвольно осуществлять прямой контроль над вещами, которые мы *принимаем*», и именно в этом состоит условие, достаточное для применимости деонтологических эпистемологических терминов, поскольку именно *принятия* являются надлежащими объектами эпистемологической оценки» [Bondy, 2016, 758].

Объекты эпистемических оценок: убеждения или принятые пропозиции?

Выделение активностного аспекта формирования пропозициональных установок и демонстрация того, что *принятие* некоторых пропозиций в качестве истинных, в отличие от

убеждения, т.е. спонтанно возникающей уверенности, поддается сознательному контролю, это лишь условие для обоснования рационального акцептуализма, который функционально замещает позиции доксистического волюнтаризма. Но из тезиса о способности субъекта целесообразно регулировать установки на принятие или признание истинности, представляющие определенный аспект когнитивного поведения, еще не следует, что сами по себе *принятия* являются надлежащим *объектом эпистемически-релевантных оценок*, устанавливающих отношение этого аспекта сознательной активности к нормативно выраженным условиям достижения знания.

Против доксистического редукционизма: значение целостного контекста деятельности

В основном массиве эпистемологических программ основным объектом оценок на предмет обоснованности и, наконец, вероятной истинности традиционно выступали пропозициональные установки, а именно – убеждения и их языковые объективации в форме высказываний или даже систем высказываний (теорий). Следуя этой традиции, критики деонтологической концепции обоснования указывают на то, что эпистемо-деонтологи в первую очередь должны представить аргументы в защиту именно *доксистического* волюнтаризма, потому что именно (и единственно!) *убеждения* в аспекте их пропозиционального содержания являются релевантными объектами оценки, положенной по условиям эпистемического обоснования. Более того, *одна из линий критики деонтологической концепции эпистемического обоснования* выстраивается в русле строгого эпистемизма или доксистического редукционизма. Пропоненты этой линии критики допускают, что познающий агент обладает потенциалом преднамеренного действия, но не в отношении формирования убеждений, а в отношении некоторых базовых когнитивных установок и модусов поведения, которые непосредственно не входят в условия выработки и отбора убеждений. Как показывает Роберт Локки, для этой линии критики репрезентативными являются позиции, заявленные М. Кларком, Г. Стросоном, Р. Ауди. Так, Кларк допускает «волюнтаризм «в отношении направления нашего внимания (или когнитивной установки), но не в отношении формирования убеждений» [Clarke, 1986, 43-44].

Но традиционная классификация объектов эпистемически-нормативных оценок, как, собственно, и методология этих оценок, пересматриваются в тех программах, которые демонстрируют принципиальную ограниченность *доксистического редукционизма* (только убеждения в аспекте их содержания являются объектом оценки) и, как следствие, не замыкаются на выделении пропозиционального содержания убеждений и исследовании семантических (например, репрезентативность) и эпистемических (например, обоснованность) свойств, но полагают, что при оценке *эпистемических достоинств* пропозициональных установок необходимо учитывать также более *широкий метаэпистемический контекст*, а именно – *контекст деятельности субъекта*, в которой эти установки или диспозиции актуализируются, деятельности, которая на сознательном уровне, как предполагают программы нормативной эпистемологии, должна регулироваться нормами рациональности, предписывающим или санкционирующим способы формирования и отбора убеждений и выражающих их высказываний, исходя из познавательно значимых целей. Как заметил Роберт Локки, «в нормативной эпистемологии мы занимаемся оценкой гораздо большего, чем убеждения. Мы также, и это более важно, оцениваем мыслительные процессы, аргументы и цепочки

рассуждений, говоря, что они рациональны или иррациональны. При этом также нормативно оценивается эпистемологический статус познающего, который обладает такими убеждениями, развивает такие цепочки рассуждений и выдвигает эти аргументы» [Lockie, 2018, 48].

Если рассматривать формирование пропозициональных установок из той перспективы, в которой различается многообразие механизмов и форм порождающий их деятельности, представляя эту деятельность в *суперпозиции* возможных отношений к условиям ее сознательного регулирования, (что является некоторой идеализацией), то дистинкцию *убеждения* и *принятия* можно обосновать, исходя из более фундаментального различия *рефлексивного и дорефлексивного уровней этой деятельности*, или, в других терминах, исходя из различия функциональных потенциалов сознания и метасознания (что характерно выражено в концепции дискурсивного знания К. Лерера).

Косвенный аргумент в пользу признания установок на принятие пропозиций надлежащими объектами эпистемических оценок

Исходное соображение, выделяющее общие основания для полагания, что установки на *принятие* по крайней мере релевантны контексту эпистемических оценок, является весьма косвенным и состоит в том, что сознательное *принятие* определенных пропозиций, составляющих предмет *убеждений*, составляет конститутивное условие утверждения самих убеждений в статусе доксистической основы знания. Данное соображение можно развить и представить в форме следующего аргумента:

(1) оценка эпистемических достоинств убеждений в функциональном плане предполагает представление *условий* формирующей их деятельности (тем самым предполагается некая сложная функция, обеспечивающая переход от рациональности деятельности к обоснованности убеждений), а также экспликацию *связей* их с другими убеждениями;

(2) актуализация метаустановок, таких как *принятие (признание)*, является функциональным моментом формирования доксистической сферы, в котором на основе первичного осознания этих условий и связей проявляется более или менее отчетливое отношение к предмету убеждений, в результате чего убеждения (т.е. реализация данных диспозиций) обретают положительную или отрицательную санкцию;

(3) однако, чтобы выполнять функцию перевода убеждений, даже если они возникают спонтанным образом, в разряд пропозициональных установок, которые являются основой дискурсивного знания, такое отношение само должно быть *рационально* мотивированным, т.е. выстраиваться *правильным* образом, удовлетворять определенным нормам, так, чтобы в *принятии* определенных пропозиций (и в санкционировании убеждений с таким содержанием) можно было бы усмотреть случай эпистемически ответственного поведения.

В этой модели аргументации различие убеждения и принятия выстраивается конгруэнтно различию *каузально-когнитивного* и *сознательно-деятельностного* планов репрезентации процесса формирования убеждений. Для такого подхода ключевым является допущение, которое имплицитно содержится в посылах рассуждений К. Лерера: «одно дело приобретать убеждения различными каузальными путями (посредством восприятия, обучения, умозаключения и т. д.), и совсем другое – придерживаться политики или стратегии поддержания или отказа от этих убеждений. И последнее есть вопрос сознательного выбора, поскольку в ходе исследования выбирается некий регулятивный идеал» [Engel, 2000, 17]. Таким образом,

принятие пропозиций, которые могут составлять предмет убеждений, возникающих подчас спонтанным образом, можно трактовать как такой момент сознательной модерации убеждений, который в ряде случаев может быть *de facto* неотличим от условий их формирования, или в более сильном смысле – как часть «политики или стратегии», выбираемой субъектом, исходя из определенных (познавательных или прагматических) соображений.

Но Л.Дж. Коэн принципиально различает убеждения как «диспозициональные чувства», представляющие феноменальный тип уверенности, и принятия как пропозициональные установки, встроенные в структуру определенного дискурса. Из концепции Коэна не следует с логической необходимостью, что *рациональная мотивированность* и *деонтологическая оправданность* равнозначны *положительной эпистемической значимости*. Следовательно, необходимо представить дополнительный аргумент для обоснования того, что *принятия* (акцептированные, положения, играющие роль постулатов и посылок дальнейших рассуждений) являются надлежащими объектами *эпистемических оценок*. Такое обоснование особенно необходимо, если учитывать специфику феномена признания, а именно – *контекстуальную относительность*, возможность быть мотивированными как эпистемическими, так и иными, например, прагматическими соображениями, моральными доводами, юридическими аргументами, и допускать при этом, что *то, что признается и принимается*, может *расходиться* с тем, что выступает предметом *убеждения*, сопровождаемого чувством субъективной уверенности, – тогда именно признания используются в качестве посылок для рассуждений и практических решений, т.е. встраиваются в познавательный, методологический или прагматический дискурс.

Прямолинейный аргумент П. Бонди в пользу признания установок на принятие пропозиций надлежащими объектами эпистемических оценок

Основная линия аргументации в пользу того, что принятия достойны того, чтобы быть объектами эпистемических оценок, определяется на основе анализа условий функционирования принятий (акцептированных положений) в качестве посылок познавательно эффективных рассуждений и практических выкладок. Так, П. Бонди берет за основу модель ситуации, когда необходимо принять в качестве посылок рассуждения, обосновывающего практический выбор, то или иное допущение, и правильность выбора зависит от того, насколько обоснованными являются посылки этих рассуждений.

В качестве правдоподобного принципа, выражающего нормативно значимое условие рационального оправдания какого-либо практического выбора, Бонди предлагает *принцип необходимости обоснованных посылок* для рассуждения, посредством которого прорабатываются альтернативы и делается выбор:

NJP: действие практически оправдано только на основе процесса обдумывания того, следует ли его выполнять, если предпосылки, принимаемые за истинные в процессе обдумывания, эпистемически оправданы [Bondi, 2016, 759].

Следует заметить, однако, что в зависимости от типа дискурса, практический выбор может быть сделан на основе установления того, какое действие является *правильным*, а критерии оценки правильности, выраженные в посылках рассуждения, должны удовлетворять условиям *ценностной* основательности и *нормативной значимости*. Статусом истинности в этой системе

рассуждений будут обладать положения, выражающие признание того, удовлетворяет ли то или иное действие или курс поведения *правилам*, посредством которых эксплицируются нормы, что является предпосылкой *оценочных* суждений, определяющих в итоге выбор. Допустим, речь идет о выборе «максимы воли» и правила поведения в рамках деонтологической этической парадигмы: если субъект руководствуется формулой категорического императива, то в посылах рассуждений, посредством которых субъект устанавливает, может ли та или иная максима служить основой морального поведения, должны быть представлены суждения, выражающие признание или непризнание того факта, что эта максима удовлетворяет условиям универсализируемости и обратимости, и эти суждения (по крайней мере, суждение об универсализируемости) должны быть также эпистемически обоснованными (субъект должен обоснованно полагать, что максима его поступка может в то же время иметь, по утверждению Канта, силу принципа всеобщего законодательства).

Итак, аргумент Бонди в пользу признания результатов актов принятия объектами эпистемических оценок можно представить следующим образом:

[I] Принцип необходимости обоснованных посылок (допущение, что NJP верен) для рассуждений, посредством которых вырабатывается решение относительно того, что думать и как поступать в определенном контексте.

[II] Положения, утверждаемые на основе актов принятия, входят в качестве посылок в структуру теоретических рассуждений и практических выкладок, посредством которых устанавливается, что думать и как поступать, т.е. какие мысли и действия являются рационально оправданными в определенном контексте.

[IV] Если действия в теоретической и практической сфере могут быть рационально оправданы на основе определенных рассуждений, то положения, утверждаемые на основе актов принятия и представленные в составе посылок для этих рассуждений, должны быть эпистемически обоснованными.

[V] Действия могут быть оправданы на основе теоретических рассуждений и практических выкладок.

[VI] Акцептированные положения (т.е. положения, утверждаемые на основе актов принятия) должны быть эпистемически обоснованными.

Ergo: Акцептированные положения, используемые в качестве посылок рассуждений, посредством которых обосновывается выбор того, что думать и как поступать в определенном контексте, являются надлежащими объектами эпистемической оценки.

Дилемма Л.Дж.Коэна: деонтологически-эпистемическая обоснованность или контекстуально-прагматическая релевантность?

В деонтологической транскрипции принцип эпистемической обоснованности пропозиционального принятия выражается требованием, согласно которому акт принятия тех или иных пропозиций, должен представлять пример эпистемически ответственного поведения. Так, например, *принятие* пропозиций в качестве истинных является оправданным в эпистемико-деонтологическом смысле, если *акт принятия* может быть квалифицирован как выполнение *интеллектуальных обязательств*, задаваемых из системы методологических и эпистемических норм, позволяющих принимать нечто за истину только при условии наличия *адекватных и*

достаточных оснований.

Но для каждого из актов принятия релевантным является также *функционально-телеологическое оправдание*, которое изначально не замыкается на принцип выполнения эпистемически-регулятивных условий, но имеет существенное *прагматическое* расширение: принятия каких либо-положений и использование их в рассуждениях и практических выкладках обеспечивают функционирование определенного дискурса, подчиняясь принципу целесообразности и правилам, по которым этот дискурс выстраивается. Функционально-телеологическое оправдание связывает использование принимаемых пропозиций в качестве посылок рассуждений с принципом *контекстуальной релевантности оснований* для их принятия: рассуждения, основанные на посылках, в роли которых выступают те пропозиции, которые утверждаются актами принятия, позволяют решить, что полагать или делать в данном контексте, и это решение будет в *определенном* смысле оправданным, если посылки приняты на *основаниях*, специфических для этого контекста (типа дискурса). В этом плане основания для принятия пропозиций задаются через условия эффективного использования их как посылок для последующих рассмотрений, которые формируют политику – стратегию действия в данном контексте. В зависимости от типа дискурса основания могут быть *эпистемическими, моральными, юридическими, прагматическими.*

Даже в плане того функционально-телеологического оправдания, которое пропозициональные принятия могут получать на основе предписываемой им роли в *научном дискурсе*, на первый план довольно часто выходят именно *прагматические и методологические* соображения, которые делают рациональным принятие каких-либо пропозиций даже тогда, когда нет таких оснований, которые однозначным образом указывали бы на истинность этих пропозиций, за исключением разве что соображений когерентности (как в случае принятия пробных гипотез, обеспечивающих наилучшее объяснение, что, впрочем, было оспорено П.Фейерабендом, указавшим на благотворность нарушения условия совместимости, а также в случае использования удобных допущений, инструментальных приспособлений, аппроксимаций и идеализаций).

(i) Коэн демонстрирует концептуальную независимость признания от убеждения, в форме которого представлена диспозиция к переживанию уверенности, с которой нечто принимается за истину безотносительно к контексту.

(ii) Коэн не исключает, что принятие может быть обоснованным эпистемически, то есть мы можем принимать то или иное положение, исходя из оценки его вероятной истинности, если определенность истинностного статуса пропозиции отвечает условиям эффективного использования ее в качестве посылки.

(iii) Раскрывая условия принятия пропозиций, Коэн выходит за рамки эпистемологической критериологии и указывает на факт, что в целом ряде случаев, характерных, например, для научного дискурса, на первый план выходят прагматические и методологические соображения, вследствие чего пропозиция может быть принята безотносительно к каким-либо индикаторам истинности или положительной эпистемической значимости, для удостоверения которой используются различные процедуры обоснования.

Проблема, однако, заключается в том, что концепция Коэна допускает различие эпистемически-нормативной регуляции и прагматически-функциональной мотивации актов принятия, которое, как показывает анализ ряда типовых ситуаций, может доходить до противоречия. Исходя из этого следует признать, что в ряде своих следствий эта концепция

чревата девальвацией смысла утверждений об деонтологически-эпистемической оправданности актов принятия.

Приоритетность рационального принятия пропозиций перед культивированием убеждений с интенцией на истинность

Выделим несколько аргументов, посредством которых Коэн показывает, что в научно-исследовательской практике «сила убеждения в том, что p , и степень склонности к тому, чтобы принять p , могут изменяться независимо друг от друга» [ibid., 19].

Аргумент от погрешимости и фальсифицируемости. Как и Поппер, предложивший концепцию объективного знания, Коэн признавал принципиальную погрешимость научных теорий, даже если они приняты по основаниям, соответствующим каждому из условий, и, как следствие, допускал, что любое интегрированное в теорию положение, прошедшее тест на когерентность и эмпирическую адекватность, может быть фальсифицировано в будущем. Учитывая погрешимость (подверженность ошибкам) принятых положений и возможность их последующей фальсификации, Коэн полагает, что нормой рационального и эпистемически ответственного поведения ученого является принятие определенных положений *без какого-либо культивирования субъективных убеждений в их истинности*. По Л.Дж. Коэну принятие положений научной теории как таковое не имплицитно утверждает убеждения, хотя может быть хорошим индуктором субъективной убежденности, т.е. диспозиционально проявившейся веры в истинность принятых положений.

Аргумент от условий беспристрастности научного поиска. Более того, убежденность, сопряженная с приверженностью какой-либо теории, может стать тем контингентным фактором, который может затруднить выполнение эпистемического долга - препятствовать следованию стандартам объективности и беспристрастности научного познания. Так, описывая стратегию рационального и ответственного поведения ученого, Коэн отмечает, что «существует опасность того, что наличие убеждения в том, что p , может сделать его (ученого) менее готовым изменить свое мнение о принятии этого p , если появятся новые свидетельства или станет доступной лучшая теория. Это может даже сделать его менее готовым к поиску новых свидетельств или лучшей теории, хотя в противном случае он сделал бы это» [ibid., 88].

Аргумент от различия в степени сознательного контроля. На уровне стратегии исследовательского поиска именно сознательное принятие положений и принципов в качестве исходных посылок последующих рассуждений и изысканий является основным аспектом деятельности ученого, которые подлежат оценке и регулированию на основе критериев и норм рациональности. Убеждения, в отличие от рационально мотивированного принятия, возникают произвольно, следовательно, формирование и закрепление убеждений, сопряженных с уверенностью в истинности, не является частью стратегии или политики эффективного действия, которая предполагает сознательный выбор посылок и оснований для последующих шагов в исследовательской практике: на формирование убеждения могут оказывать влияние некоторые факторы из «черного ящика подсознания ученого, которые он отверг бы как не относящиеся к делу или предвзятые, если бы они попали на рассмотрение перед трибуналом сознательного принятия» [ibid., 88].

Аргумент от несовершенства теорий в пользу конвенциональных решений. В научной практике довольно часто возникают проблемные ситуации, когда основная научная теория сталкивается с аномалиями, указывающими на ограниченность ее объяснительного потенциала

или вызывающими сомнения в ее эмпирической адекватности; и пока эти аномалии не преодолены (за счет модификации основной теории, изменения в оболочке дополнительных допущений или в наблюдательной теории), теория не может считаться универсально точным описанием реального мира; однако, даже несмотря на то, что убеждение в ее истинности *ex hypothesi* было бы ошибочным, до тех пор, пока не предложена лучшая теория, конвенциональное принятие этой теории является рационально оправданным шагом: «мы можем принять эту теорию в том смысле, что соглашаемся с ней как с предпосылкой для всех целей, к которым она применима» [ibid., 90]. Таким образом, теория принимается конвенционально, исходя из общих методологических и ситуативно релевантных прагматических соображений, которые не имеют ничего общего с верой в истинность этой теории.

Принимая какое-либо гипотетическое положение (например, положение, выражающее физический закон), ученый, по мысли Коэна, не обязательно должен верить в истинность этого положения, – «ученый должен быть готов согласиться с этим предположением и всем, что из него следует, как с предпосылкой – одной из многих – для своих предсказаний, объяснений, дальнейших исследований и т.д.» [ibid., 88]. Так, например, даже когда физический или химический закон рассматривается как упрощение или идеализация, ученые могут использовать его в качестве предпосылки для предсказательных или объяснительных расчетов относительно реального мира, при условии того, что будут вноситься соответствующие допущения и исправления. Таким образом, в этом смысле мы можем принять закон, даже если мы не верим, что он истинен, а на самом деле верим, что то, что он утверждает, ложно относительно реального мира. В связи с этим Кларк замечает, что «для Коэна принятие связано с повседневной научной практикой, в то время как убеждение следует рассматривать в контексте бескорыстного теоретического поиска истины» [Clarke, 2000, 41].

Аргумент от необходимости методологически-инструментального восполнения недоопределенности теории эмпирическими данными. В развитии аргумента в пользу того, что принятие какой-либо теории является более правильной установкой, чем культивирование убеждения в ее истинности, Коэн опирается на артикулированное Куайном и другими философами положение, что любая общая теория недоопределяется любым мыслимым набором данных, которые могли бы составлять подкрепление для этой теории или свидетельствовать в пользу ее эмпирической адекватности. Тезис о недоопределенности теории опытом может быть представлен в стандартной форме, связывающей эмпирическую эквивалентность с равнозначностью эпистемических достоинств: «для любой теории *T* и любой совокупности данных наблюдения *e* существует еще хотя бы одна теория *T'*, такая что *T* и *T'* эмпирически эквивалентны в отношении *e*» [Макеева, 2009, 29], т.е. получают со стороны одной и той же совокупности данных одинаковое подкрепление. В условиях недоопределенности нельзя сделать выбор между теориями, исходя из эпистемически релевантных критериев, таких как отношение теорий к эвиденциальному базису, поскольку в этом отношении теории эквивалентны; иными словами, система эвиденциальных факторов не обладает достаточной разрешающей силой, чтобы предпочтение одной теории другой было рационально обоснованным.

Допуская, что в такого рода ситуациях эвиденциальные критерии должны быть восполнены методологическими критериями (такими как «концептуальная простота») и соображениями прагматического плана (например, «плодотворность теории в предложении вопросов для дальнейшего исследования»), Коэн фактически следует идеям Б. ван Фраассена. Так, он

утверждает, что «мы прагматически оправданы в принятии предпочитаемой теории, потому что наши собственные будущие расчеты облегчатся благодаря этому или наши исследования продвинулись вперед» [van Fraassen, 1980, 92]. Но это означает, что для обеспечения прогресса в поиске наилучших объяснений и решений научных проблем правильно полагаться на прагматически обоснованные допущения, не тематизируя их истинностный статус; и если на комплексе этих допущений строится научная теория, то следовательно, «мы не имеем большего права верить в истинность этой теории, чем в истинность любого из ее конкурентов [ibid., 92]. Б. ван Фраассен также выделял именно прагматическое измерение *принятия* научных теорий. По Фраассену, убеждение входит в рационально-мотивационную структуру, которая задает диспозицию к тому, чтобы принимать теорию, но это убеждение не в истинности теории, а в ее эмпирической адекватности, и есть нечто большее, чем это убеждение, что делает рациональным принятие теории, а именно – сознание «прагматических достоинств», которыми обладает теория: в разрезе этих достоинств теория может представлять как «математически элегантная, простая, обширная, в некоторых отношениях завершенная: она также прекрасно подходит для унификации нашего описания до сих пор разрозненных явлений и, прежде всего, обладающая объяснительной силой» [ibid., 87]. И в той мере, в какой эти прагматические достоинства «выходят за пределы непротиворечивости, эмпирической адекватности и эмпирической силы, они касаются не отношения между теорией и миром, а, скорее, использования и полезности теории; они дают причины предпочесть теорию независимо от вопросов истины» [ibid., 88].

Проблема реставрации эпистемического качества обоснования принятия пропозиций

Выходя за рамки *эпистемически-нормативных ограничений*, особенно когда прагматические соображения берут вверх над эвиденциально значимыми основаниями, *функционально-телеологическое оправдание* принятия теории разрывает классическую схему обоснованности и истинности.

С одной стороны, Коэн утверждает, что убеждения в основном массиве случаев имеют характер диспозиций к тому, чтобы испытывать субъективную уверенность в истинности некоторого положения; но допущение, что эти диспозиции-чувства возникают преимущественно бессознательным, неконтролируемым образом, заставляет последовательно смещать центр тяжести эпистемико-деонтологических оценок на интенционально содержательные акты признания, поскольку только последние представляют ту часть «когнитивной экономики», которая находится в зоне сознательно-волевого регулирования и, следовательно, допускает рассмотрение с нормативной точки зрения.

С другой стороны, установки на принятие рассматриваются *ex definitio* функционально - в зависимости от той роли, какую они играют в том или ином дискурсе, выступая в качестве посылок для последующих изысканий, размышлений и действий, а основания, на которые мы ориентируемся, когда выносим решение о принятии, в значительной мере определяется в зависимости от контекста. Политика, основанная на актах принятия, составляет важную часть прагматики, включая прагматику научно-исследовательского поиска. В ряде парадигматических случаев принятия служат конвенциональными устройствами, повышающими эффективность функционирования научного дискурса и обеспечивающими познавательное результативное продвижение; но инструментальное, функционально-

телеологическое оправдание принятий, которое состоит в том, что принятие каких-либо положений, гипотез, допущений, способствует некоторому прогрессу (например, решению теоретических проблем), все же не равнозначно их эпистемическому обоснованию.

Чтобы обладать положительной эпистемической значимостью, принятия должны иметь адекватный эвиденциальный базис. Элементами эвиденциального базиса могут выступать как уже сформировавшиеся знания, инкорпорирующие принятые теории, так и то, что выделяется и принимается в качестве эмпирических данных, подкрепляющих предсказания, выводимые из теории. Так, на уровне эмпирической проверки данные экспериментов и наблюдений должны приниматься ученым, чтобы на основе концептуализации этих данных получить посылки для индуктивного обоснования теорий. Коэн понимает, что на практике то, что относится к классу данных, обеспечивающих подкрепление теорий, «обычно представляет собой богатый комплекс методологически структурированных и теоретически интерпретируемых наблюдений» [Cohen, 1992, 93], и в формировании этого комплекса особую роль играют методологические и теоретические элементы, которые, собственно, являются объектами сознательного принятия.

Коэн все же приходит к признанию того, что для ситуации, в которых субъект дает отчет о том, что он принимает, исходя из доступного ему опыта, вычленение элементов этого опыта, обладающих эвиденциальной значимостью для принятий тех или иных пропозиций, предполагает идентификацию соответствующих убеждений, так или иначе возникающих на базе этого опыта, иначе все здание науки будет зависеть от конвенциональных установок и прагматически мотивированных решений [Cohen, 2000, 58] Но в той мере, в какой Коэн дистанцируется от реалистической концепции науки, следуя некоторым принципам программы ван Фраассена, и тематизирует основания для принятия, исходя из прагматики научно-исследовательского поиска, он ограничивает концептуальные возможности аргументации, позволяющей придать установкам на принятие тех или иных гипотез и теорий *эпистемологическую значимость, которая определяется тем, насколько в актах принятия исполняется интенция на признание истины по адекватным и достаточным основаниям.*

В рамках аналитического подхода, применяемого Коэном, понятие принятия-признания выстраивается посредством *функционально-телеологической редукции*, которая не позволяет показать необходимость введения в это понятие нормативного содержания, выражаемого требованием эпистемической обоснованности, предполагающей, в частности, ориентацию всякого акта принятия на индикаторы истинности.

Возвращение в поле эпистемически-нормативной регуляции: предложение Кларка

Необходима спецификация условий принятия, исходя из различия *методологических и прагматических соображений*, по которым ученый принимает какое-либо положение, не будучи уверен в его истинности, и *эпистемически-критериальных оснований*, таких как наличие надежных свидетельств - индикаторов вероятной истинности положений, а также установленные факты их эмпирической адекватности и/или положительная когерентность другим принятым положениям, посредством артикуляции которых раскрывается предметное содержание знания.

Определенное решение, позволяющее реабилитировать эпистемологический статус принятий, предложил Д. Кларк. Основная интенция Кларка состоит в том, чтобы определить условия, при которых принятие некоторого положения имплицитно подразумевает наличие убеждения в его

истинности (речь идет об убеждении, разделяемом членами научного сообщества), - в той мере, в какой убеждение, будучи формой признания истины, является эпистемически оправданным, принятие некоторых положений членами научного сообщества также должно удовлетворять эпистемически-нормативным условиям, главное из которых – наличие обоснования.

Для спецификации условий принятия положений в научном дискурсе Кларк предлагает различать *предварительное* («провизиональное») принятие некоторой гипотезы от ее *конечного* принятия, которое эквивалентно достижению статуса обоснованности, признаваемого по intersубъективно значимым критериям, принятым в научной практике. Следует также отличать принятие какого-либо положения отдельным ученым от признания этого положения сообществом ученых, которые на основе этого intersубъективно принятого положения будут выстраивать программу дальнейших исследований.

Предварительное, условное, гипотетическое признание какого-либо положения отдельным ученым, которое может быть использовано как полезное конвенциональное допущение или пробная гипотеза, не имплицитно подразумевает наличие убеждения в истинности, на что также указывал Коэн [Cohen, 1992, 88, 90]), хотя определенная диспозиция к тому, чтобы считать гипотетическое положение истинным, может проявиться и на этой стадии. По определению Кларка, предварительное принятие гипотезы h — это решение рассмотреть h для дальнейшей проверки, включить h в число тех гипотез, выбор между которыми должен определяться на основе экспериментальных данных; и «относительный первоначальный успех такой гипотезы, как отмечает Коэн, может быть основанием для выведения из нее последствий для объяснений и дальнейших исследований, даже если период проверки гипотезы еще не завершен» (т.е. даже если убеждение в истинности h еще не получило обоснования) [Clarke, 2000, 42]. Такое предварительное принятие гипотезы следует отличать от заключительного принятия ее в качестве положения, представляющего итог исследования, закрепленный в научной теории.

Заключительное принятие осуществляется научным сообществом, исходя из общепризнанного удостоверения вероятной истинности этого положения или теории в целом и оценки глобального вклада теории в научную картину мира. Кларк по сути перестраивает понятие принятия, указывая на условия применения его к заключительному этапу реализации программы исследований, когда «даются ответы на вопросы и принимаются решения о прекращении дальнейшего поиска соответствующих доказательств» [ibid., 42]. Так, например, физики приняли теорию Хаббла о расширяющейся Вселенной и модель ДНК Уотсона-Крика как истинную, а не просто как адекватную существующим данным, и это означает, что вопросы, на которые они были предложены в качестве ответов, больше не открыты в том смысле, в каком они когда-то были» [ibid., 42]. Кларк стремится показать, что заключительное принятие какого-либо положения или теории научным сообществом предполагает наличие убеждения, означающего intersубъективно разделяемую веру в истинность этого положения или теории, для которой очерчен круг достаточных оснований. Убеждение это следует рассматривать в коммунальном смысле – как убеждение, атрибутируемое научному сообществу в целом; наличие такого убеждения не предполагает догматическую приверженность принятой теории, поскольку всякая эмпирическая теория может быть пересмотрена, если будут обнаружены несогласованности, ошибки или контрсвидетельства, и заменена новой – лучшей теорией.

Опираясь на размышления Кларка, мы можем достроить аргумент в пользу эпистемологической значимости установок на принятие, реализуемых в научном дискурсе. Если принятие некоторого положения на заключительной стадии исследований имплицитно подразумевает intersубъективное признание его истинности, реализуемое в форме убеждения, разделяемого

членами научного сообщества, то принятие какого-либо положения или теории в таких случаях направляется интенцией на истинность и, следовательно, само должно иметь положительное эпистемическое обоснование, которое удовлетворяло бы условию истинностной проводимости; следовательно, будучи сознательным, принятие также может быть объектом оценки с нормативной - эпистемико-деонтологической точки зрения.

Возможность сближения концепции Л.Дж. Коэна с концепцией принятия К. Лерера

Коэн признает, что как в обыденном, так и в научном дискурсе принятие каких-либо положений может играть определенную каузальную роль в создании условий, благоприятных для формирования убеждений – диспозиций к ощущению истинности, в терминологии Коэна, с содержанием, идентичным тому, что принимается. Принятие каких-либо принципов, идей и положений стимулирует формирование соответствующих убеждений, но из этого не следует, что принятие какого-либо положения в качестве посылки для последующих рассуждений и выкладок само по себе составляет *разумную причину* полагать, что это положение истинно, – «признание, что *p*, очень часто вызывает убеждение, что *p*» [Cohen, 1992, 18], но не составляет *основание* для того, чтобы поддерживать убеждение, что *p*; в противном случае ученые «оказались бы в абсурдном положении, если бы могли по своему желанию придумать причину для веры во что угодно, просто решив принять это как посылку» [ibid., 18].

Оригинальная позиция Коэна все же можно сблизить с позицией К. Лерера за счет некоторых исправлений концептуального плана, которые позволили выделить и обозначить регулятивную функцию рациональных принятий по отношению к убеждениям. Но для этого, как мне представляется, необходимо сделать два шага: (1) трансформировать концепт убеждения, не замыкая его содержание на сферу диспозициональных чувств, как это делает Коэн, но выделяя убеждения в статусе пропозициональных установок, которые поддаются оценкам с позиции рациональности; (2) определить параметры более сильной, чем предполагает концепция Коэна, функциональной зависимости или каузальной связи формирования убеждений с сознательным принятием пропозиций.

Коэн парадоксальным образом полагает, что есть достаточные основания для того, чтобы относить *убеждения* к тому «важному сектору нашей ментальной жизни, к которому мы применяем межличностно принятые стандарты рациональности и обоснованности, несмотря на тот факт, что он не находится под нашим непосредственным контролем» [ibid., 26]. Интуитивное понимание того, что убеждения в каком-то специфическом смысле являются объектами рационально-нормативной регуляции и оценки, коррелирует с признанием того, что вопросы типа «Чему я должен верить относительно *x*? / Следует ли мне верить в то, что *p*? / Является ли убеждение в том, что *p*, рациональным?» воспринимаются как вполне осмысленные и правомерные. Основание для этого Коэн усматривает в том, что «мы, по крайней мере в принципе, способны оказывать различного рода косвенное влияние на предрасположенность испытывать такие чувства. Мы можем попытаться спровоцировать или подавить наши склонности к возникновению чувства уверенности, ревности, тревоги и т. д., ознакомившись со всеми относящимися к делу фактами и оценив их со сбалансированной точки зрения...» [ibid., 26]. Из этого следует, что субъект не только способен рационализировать свои убеждения, но также применять методологическую стратегию и формировать ментальную дисциплину, которые способствовали бы возникновению убеждений, отвечающих стандартам

рациональности, выверенности и обоснованности, и именно этим обстоятельством определяется мера его ответственности, – не детерминировать, но структурировать поле возможностей и задавать предпосылки для формирования соответствующих диспозиций.

Если принимаемые положения составляет предмет убеждений, пусть даже сложившихся когнитивно-спонтанным образом, то сознательное рассмотрение этих положений, без которого они не могут быть приняты, может выполнять регулятивную функцию в отношении элементов докстастической сферы, санкционируя или дискредитируя уверенность в истинности того, в чем субъект оказался непосредственно убежден, и стимулируя, таким образом, формирование убеждений, которые имели бы эпистемически значимые достоинства, служащие атрибутами рудиментарных докстастических элементов знания. Принятие определенных положений осуществляется на основе *рефлексивных и оценочных актов*, которые и позволяют выделить *разумную причину* для того, чтобы принимать эти положения и использовать их в качестве посылок последующих решений и действий, но эта же разумная причина может выполнять парадигматически-нормативную функцию в отношении оснований для убеждений с соответствующим содержанием, которое *de facto* может расходиться с содержанием уже проявившихся диспозиций. Причина эта будет отвечать условиям трансформации убеждений в знание, при условии, что само принятие-признание *осуществляется в рамках регулятивных структур*, инкорпорирующих нормы эпистемической обоснованности, и вследствие этого сопряжено с экспертизой *оснований* для того, чтобы считать что то, что на уровне убеждений представляется или ощущается как истинное, является с достаточной вероятностью истинным.

Заключение

Переход от докстастического волюнтаризма к рациональному акцептуализму является эффективным теоретическим маневром, посредством которого *можно вывести эпистемический деонтологизм из под критики* в той ее части, которая развивается посредством аргументов, демонстрирующих, что субъект не может в полной мере считаться ответственным за формирование и поддержание собственных убеждений и, вследствие этого деонтические критерии в этой области неприменимы в принципе.

Но критический анализ показывает, что построение деонтологической теории эпистемического обоснования на базе концепции акцептуализма утверждающей принятия в качестве объектов деонтических оценок, оказывается в целом ряде моментов *проблематичным*, поскольку сама эта концепция, особенно в той версии, которую предложил Коэн, имеет ряд следствий, *релевантность* которых теории, собственно, *эпистемического обоснования* можно поставить под вопрос.

Основной аргумент (D/E-аргумент) для обоснования применимости деонтически-эпистемических оценок к пропозициональным установкам, актуализируемым посредством рационального принятия, структурно подразделяется на две части:

(X^{deon}) (i) Субъект сознательным образом принимает решение о принятии соответствующих пропозиций, независимо от того, составляют ли они предмет спонтанно формирующихся убеждений, или нет. (ii) Решение о принятии подчиняется нормам рациональности и правилами того дискурса, в котором принятие какой-либо пропозиции выполняет роль, сообразную его (дискурса) функциональной телеологии; (iii) Сознание этих норм и правил составляют часть компетенции субъекта. Таким образом, есть объективные обязательства, вытекающие из норм и правил, и есть основания их вменения субъекту, поскольку принцип «должен»,

подразумевает “может”» соблюдается. Следовательно, применение деонтических оценок к принятиям является вполне обоснованным.

($Y^{epistem}$) Принятие — это то, что руководит нашими теоретическими и практическими выводами, а посылки теоретического и практического размышления, согласно *принципу необходимости обоснованных посылок*, сформулированному Бонди, должны удовлетворять условию обоснованности, следовательно пропозициональные установки, учреждаемые посредством актов принятия, т.е. принятия в их онтическом смысле, являются надлежащими объектами эпистемических оценок.

Основная проблема, как показывает анализ концепции Коэна, возникает с подаргументом, представленным в части ($Y^{epistem}$) общего D/E-аргумента: принятие каких-либо пропозиций, т.е. решение использовать их в качестве посылок рассуждений, изысканий и решений, организованных в целостный дискурс, подчиняется нормам рациональности, но спецификация их в качестве норм, выражающих требование *эпистемической обоснованности*, оказывается, по сути, *контингентным фактом*, поскольку на концептуальном уровне относительно принятий допускается не только кросс-дискурсивная вариативность, но и *контекстуальная зависимость*, мотивированность совершенно различными соображениями *методологии, прагматики и эвристики*, с помощью которых можно оправдать принятие пропозиций без оснований, которые заключали бы в себе надежные индикаторы их истинности (поэтому нет строгой *каузальной* связи между принятием допущения и возникновением убеждения как диспозиции считать это допущение истинным)

Гипотезы решения проблемы идентификации принятий как объектов эпистемических оценок заключаются в следующем.

Первая гипотеза состоит в том, чтобы интегрировать эпистемически-нормативную регуляцию в сами условия эффективного функционирования дискурса. Познавательный эффективный дискурс должен быть организован на основе таких правил, которые требуют, чтобы положения, которые принимаются в качестве посылок рассуждений, предсказаний, объяснений и т.д., удовлетворяли бы методологическим стандартам проверяемости, и чтобы из состава этих посылок исключались ложные пропозиции, а это, в свою очередь, имплицитно требует эпистемической (пропозициональной) обоснованности. Рационально оправданное принятие пропозиций как посылок рассуждений без фактической уверенности в их истинности, на которое Коэн ссылается как на факт научной практики, свидетельствующий о расхождении убеждений и принятий, не снимает вопроса о необходимости соблюдения основополагающего для научной методологии требования принимать такие *содержательные* положения, которые удовлетворяют стандарту проверяемости. Такое решение, однако, является довольно прямолинейным. Ограниченность этого решения в том, что значимость требования пропозициональной обоснованности, которое в традиционной нормативной эпистемологии имеет статус универсального императива, в нашем случае ставится в зависимость от правил дискурса.

Второй проект решения указанной проблемы основывается на выявлении и установлении параметров более сильной, чем предполагает концепция Коэна, функциональной зависимости или каузальной связи формирования убеждений с сознательным принятием пропозиций. Гипотеза предлагаемого решения состоит в следующем: (Ψ) в форме убеждений реализуется диспозиция к переживанию уверенности, а сами убеждения представляются дорефлективной формой признания истинности; допустим, (Ω) принятие каких-либо пропозиций может оказывать (а) генерирующее или (б) трансформирующее влияние на содержание убеждений,

либо (а) способствуя формированию убеждений с идентичным содержанием, либо (б) рационально санкционируя уже сложившиеся убеждения; если (Ω) верно, то это дает основание для подчинения политики принятия-признания пропозиций нормативным эпистемическим ограничениям, таким, например, как требование принимать пропозиции как предмет возможных убеждений, исходя из адекватных и достаточных оснований, поскольку, как следует из положения (Ψ), в убеждениях исполняется интенция на признание каких-либо положений как истинных. Следовательно, установки на принятие пропозиций являются надлежащими объектами деонтически-эпистемических оценок.

Однако, как показывает анализ, допущение (Ω) нельзя однозначным образом обосновать, исходя из концепции Л.Дж. Коэна. Принятие какой-либо пропозиции ($\text{Acc}(p)$), по Коэну концептуально не имплицитно подразумевает диспозициональной уверенности в ее истинности ($B(p)$); допускается, что первое может оказывать влияние на второе, но возникновение убеждения вследствие принятия каких-либо пропозиций представляется неким контингентным фактом (т.е. (а) неверно).

Установлено, что позиция Коэна амбивалентна.

(A^(a)) Допуская, что убеждения имеют характер дорефлективных установок («диспозициональных чувств»), которые изначально не находятся под непосредственным контролем, Коэн в то же время относит убеждения к категории ментальных установок, к которым применимы стандарты рациональности, и основанием для этого служит то, что мы можем, формируя определенную интеллектуальную дисциплину, оказывать косвенное влияние на возникновение убеждений определенного качества. Но если «косвенное влияние» достаточно для признания того, что убеждения могут оцениваться по критериям рациональности, то почему оно недостаточно для признания ответственности субъекта за качество своих доксистических установок?

(B^(b)) Если принятие каких-либо положений осуществляется в рамках регулятивных структур, инкорпорирующих нормы эпистемической обоснованности, то допущение, что принятие этих положений, исходя из надежных индикаторов истинности, не оказывает никакого трансформирующего воздействия на систему убеждений, приводит к некогерентным последствиям: с одной стороны, допускается, что субъект на уровне акцептуальной политики рационален, с другой, неспособность реформировать свои убеждения, адекватно реагируя на эвиденциальные факторы, выделяемые через акты принятия, дает основание для сомнения в рациональности этого агента.

Наконец, предложенное Кларком различие между *предварительным* («провизиональным») принятием некоторой гипотезы и *конечным* (но не окончательным!) принятием некоторой теории научным сообществом позволяет установить категорию случаев, когда принятие комплекса пропозиций имплицитно подразумевает достижение рационально оправданной и интересубъективно разделяемой уверенности в их истинности (т.е. функционально связать убеждение с принятием). *Предложен реверсивный аргумент*: если принятие каких-либо положений на заключительной стадии научного исследования имплицитно подразумевает интересубъективное признание их истинности, то это означает, что регулятивно значимая интенция на истинность должна быть уже заложена в политике относительно принятия тех или иных положений, следовательно, конечное принятие положений теории, сопряженное с уверенностью в их истинности, должно удовлетворять стандартам адекватной эпистемической обоснованности.

Таким образом, принятие может быть объектом эпистемико-деонтических оценок и может оказывать трансформирующее воздействие на сферу интересубъективных убеждений.

Библиография

1. Галухин А.В. Концепция когерентного обоснования в эпистемологии Кита Лерера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 1А. С. 33-63.
2. Макеева Л. Научный реализм, истина и недоопределенность теорий эмпирическими данными // Логос. 2009. № 2 (70). С. 24-36.
3. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. P. 257-299.
4. Bondy P. Epistemic Deontologism and Strong Doxastic Voluntarism: A Defence // *Dialogue*. 2016. Vol. 54. P. 747-768.
5. Clarke D.S. The Possibility of Acceptance Without Belief // *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 31-53.
6. Clarke M. Doxastic Voluntarism and Forced Belief // *Philosophical Studies*. 1986. Vol. 50. P. 39-51.
7. Cohen L.J. An Essay on Belief and Acceptance. Clarendon Press, Oxford, 1992. 163 p.
8. Cohen L.J. Belief and Acceptance // *Mind, New Series*. 1989. Vol. 98. No. 391. P. 367-389.
9. Cohen L.J. Why Acceptance That P Does Not Entail That P // *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 55-63.
10. Engel P. Introduction: The Varieties of Belief and Acceptance // *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 1-30.
11. van Fraassen B.C. *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press, 1980. 235 p.
12. Lehrer K. Discursive Knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60. No. 3. P. 637-653.
13. Lehrer K. *Theory of Knowledge*. Westview Press, Inc., 1990. 212 p.
14. Lockie R. *Free Will and Epistemology A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
15. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // *Acta Analytica*. 2000. Vol. 15 (1). 25-56. P. 461-485.

**Rational and pragmatic acceptanceism of L.J. Cohen: on the problem
of identifying the objects of deontically-epistemic evaluations**

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

Deontological conception of justification has been subjected to criticism with regard to its underlying assumptions. A set of arguments has been developed in order to undermine doxastic voluntarism – an assumption that the cognizer, guided by epistemic norms, is able to consciously control and regulate his or her own beliefs, transforming them into proto-elements of knowledge at will. The criticism of doxastic voluntarism by Alston and other epistemologists not only called into question the possibility of an epistemically responsible cultivation of beliefs, but also undermined the grounds for assigning obligations to an agent on the basis of “Ought implies can” principle. The paper explores and evaluates one of the strategies for neutralizing this line of criticism of epistemic deontologism. The acceptance approach developed by L.J. Cohen and other epistemologists enables to identify the area of agent’s responsibilities by introducing a specific class of propositional attitudes determined by acts of rational acceptance. It is shown that Cohen’s explication of the concept of acceptance allows for a discrepancy between the epistemic-normative regulations and

pragmatic-functional motivations for accepting certain propositions and using them as premises in a discourse. The paper discusses several options for solving the problem of verifying the epistemic status of acceptances despite the fact of the proliferation of reasons for accepting propositions. It is argued that rational acceptances of propositions can be qualified as the proper objects of deontic and epistemic evaluations and that in a number of cases acceptances can have a transformative effect on the sphere of intersubjective beliefs.

For citation

Galukhin A.V. (2023) Ratsional'nyi aktseptualizm L.Dzh. Koena: problema identifikatsii ob"ektov deonticheskii-epistemicheskikh otsenok [Rational and pragmatic acceptanceism of L.J. Cohen: on the problem of identifying the objects of deontically-epistemic evaluations]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 7-32. DOI: 10.34670/AR.2023.52.73.001

Keywords

Epistemic deontology, doxastic voluntarism, belief, acceptance, epistemic justification, scientific discourse.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 257-299.
2. Bondy P. (2016) Epistemic Deontology and Strong Doxastic Voluntarism: A Defence. *Dialogue*, 54, pp. 747-768.
3. Clarke D.S. (2000) The Possibility of Acceptance Without Belief. In: *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
4. Clarke M. (1986) Doxastic Voluntarism and Forced Belief. *Philosophical Studies*, 50, pp. 39-51.
5. Cohen L.J. (1992) *An Essay on Belief and Acceptance*. Clarendon Press, Oxford.
6. Cohen L.J. (1989) Belief and Acceptance. *Mind, New Series*, 98, 391, pp. 367-389.
7. Cohen L.J. (2000) Why Acceptance That P Does Not Entail That P. In: *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
8. Engel P. (2000) Introduction: The Varieties of Belief and Acceptance. In: *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
9. van Fraassen B.C. (1980) *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press.
10. Galukhin A.V. (2019) Kontseptsiya kogerentnogo obosnovaniya v epistemologii Keita Lerera [Coherentist theory of justification in the epistemology of Keith Lehrer]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 33-63.
11. Lehrer K. (2000) Discursive Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*, 60, 3, pp. 637-653.
12. Lehrer K. (1990) *Theory of Knowledge*. Westview Press, Inc.
13. Lockie R. (2018) *Free Will and Epistemology A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic.
14. Makeeva L. (2009) Nauchnyi realizm, istina i nedoopredelennost' teorii empiricheskimi dannymi [Scientific realism, truth and underdetermination of theories by empirical data]. *Logos*, 2 (70), pp. 24-36.
15. Steup M. (2000) Justification, Deontology, and Voluntary Control. *Acta Analytica*, 15 (1), 25-56, pp. 461-485.